

Борис Пильняк

Мать сыра-земля

ФТМ

Борис Пильняк
Мать сыра-земля

«ФТМ»

1924

Пильняк Б. А.

Мать сыра-земля / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1924

ISBN 978-5-4467-1213-7

«Расспросить мужиков о матери сырой-земле, – слушать человеку уставшему, – станут перед человеком страхи, черти и та земная тяга, та земная сыть, которой, если-б нашел ее богатырь Микула, повернул бы он мир. Мужики – старики, старухи, – расскажут, что горы и овраги накопили огромные черти, такие, каких теперь уже нет, своими рогами – в то самое время, когда гнали их архангелы из рая».

ISBN 978-5-4467-1213-7

© Пильняк Б. А., 1924

© ФТМ, 1924

Борис Пильняк

Мать сыра-земля

Посв. А. С. Яковлеву

Крестьянин сельца Кадом Степан Климов пошел в лес у Ивового Ключа воровать корье, залез на дуб и – сорвался с дерева, повис на сучьях, головою вниз, зацепился за сук оборками от лаптей; у него от прилива крови к голове лопнули оба глаза. Ночью полесчик Егор доставил лесокрада в лесничество, доложил Некульеву, что привел «гражданина самовольного порубщика.» Лесничий Некульев приказал отпустить Степана Климова. Климов стоял в темноте, руки по швам, босой (оборки перерезал Егор, когда стаскивал Климова с дуба, и лапти свалились по дороге). Климов покойно сказал:

– Мне бы провожатого, господин товарищ, глаза те вытекли у меня, без остачи.

Некульев наклонился к мужику, увидел дремучую бороду, – то место, где были глаза, уже стянулось в две мертвые щелочки, и из ушей и из носа текла кровь.

Климов, остался ночевать в лесничестве; спать легли в сторожке у Кузи. Кузя, лесник и сказочник, рассказывал сказку про трех попов, про обедни, про умного мужика Илью Иваныча: про его жену Аннушку и пьяницу Ванюшу. Ночь была июньская и лунная. Волга под горой безмолствовала. Ночью приходил старец Игнат из пещеры, за которым бегал пастух Минька, старец определил, что глаз Степану Климову не вернуть – ни молитвой, ни заговором, – но надо прикладывать подорожник, «чтобы не вытекли мозги.»

...Главный герой этого рассказа о лесе и мужиках (кроме лесничего Антона Ивановича Некульева, кроме кожевенницы Арины-Ирины – Сергеевны Арсеньевой, кроме лета, оврагов, свистов и посвистов) – главный герой волченка, маленький волченка Никита, как назвала его Ирина Сергеевна Арсеньева, эта прекрасная женщина, так нелепо погибшая и мерившая – этим волченком – погибшим за шкуру – столь многое. Он, этот волченка, был куплен за несколько копеек в Тетюшах – подлинных, а не в тетюшинных, с маленькой буквы, на Волге, в Казанской губернии, весной. На пароходной конторке его продавал мальчишка, его никто не покупал, он лежал в корзинке. И его купила Ирина Сергеевна.

Он только-только научился открывать глаза, его шкурка цветом походила на черный листовой табак, от него разило псиной, – она взяла его к себе за пазуху, пригрела у своей груди. Это ей пришло на мысль сравнить цвет его шерсти с табаком, – он маленький, меньше чем котенок, дурманил ее, как табак, прекрасной таинственностью. Мальчишка, продавший волченка, рассказал, что его нашли в лесу на поляне, – мальчишки пошли в лес за птичьими яйцами и набрали на волчий выводок (волчата были еще слепыми), пять волченковых братишек умерли от голода, он один остался жив. – Волченка не мог лакать. Ирина Сергеевна отстала от парохода, достала в Тетюшах – по мандату – соску, такую, какими кормят грудных детей, – и кормила волченка из этой соски, – она шептала волченку, когда кормила его:

– Ешь, глупыш мой, – соси, Никита, – расти!

Она научилась часами – матерински – говорить с волченком. Волченка был дик, он пугался Ирины Сергеевны, он залезал в темные углы, поджимал под себя пушистый свой хвостик, – и черные его сторожкие глаза сосредоточенным блеском всегда стерегли оттуда, из темноты, каждое движение рук и глаз Ирины Сергеевны, – и когда глаза их встречались, – глаза волченка, не мигающие, становились особенно чужими – смотрели с этой трехугольной головы двумя умными блестящими пуговицами, – но весь треугольник головы, состоящий из острой пасти и черных тоже острых ушей, – был глуп, никак не страшный. И от волченка страшно пахло псиной, все прокисало его духом.

Есть в волжской природе – Саратовских, Самарских плесов – какая то пожухлость. Волга – древний русский водный путь – текла простором, одиночеством, дикостями. Июлем на горах пожухла трава пахнет полынью, блестит под луной кремень, пылятся, натруживаются ноги, – и листья на дубах и на кленах тверды, как жестяные, сосну не рассадить силой, спокойствует лишь татарский нектен, нет цветов, и костры на горах – не смешиваешь их со сполохами – видны с Волги на десятки верст, сквозь пыль Астраханской мги. И тогда известно, что пыль рождена – кузнечиками, июньским кузнечиковым стрекотом. Справа – горы в лесах, за горами – степи, слева – займища, за займищами степи. Вдали во мгле за Волгой видны не русские колокольни: это немецкие «колонки».

Когда то, кажется император Павел, дал князю Кадомскому дарственную грамоту, где императорской рукой было написано:

«Приедешь, Ваше Сиятельство, на Волгу в гор. В., там в тридцати верстах есть гора Медынская, взойдешь, Ваше Сиятельство, на эту гору и все, что глаз Вашего Сиятельства увидит – твое —,– на Волге, в степных уже местах, на горах и по островам, на семьдесят верст по берегу, возникли Медынские леса, возрос строевой – сосновый – лес, дубы, клены, вязы, – заросли, пуши, рамень, сажены – двадцать семь тысяч десятин. У Медынской горы в лощине стал княжий дом, оторопел девятьсот семнадцатым годом. Ничего, кроме лесных сторожек, да кордонов, в лесах не было, деревни и села отодвинулись от лесов, посторонились лесам и князю. – Лесничий Некульев так писал друзьям в губком о дороге к нему: – „... пароходом надо добраться до села Вязовы; в Вязовах надо найти – или полесчика Кузьму Егорова Цыпина, и он протрясет шестнадцать верст на телеге, по лесам, по горам и буеракам, – или рыбака Василия Иванова Старкова (надо спрашивать Васятку-Рыбака), и он отвезет – на себе – вверх по Волге двенадцать верст. Это врут, что только в Китае ездят на людях: в наших местах это тоже практикуется, – Старков впряжется в лямку, сын его сядет к рулю, ты в лодку, – и бичевой, как триста лет назад, на себе, по очереди, они дотянут тебя до лесничества. Он же, Старков, если его спросить: – "сколько у вас в Вязовах коммунистов?" – ответит: – "коммунистов у нас мало, у нас все больше народ, коммунистов токмо два двора." – А если добиваться дальше, кто же собственно этот народ? – он скажет: – "народ – знамо: народ. Народ в роде, как бы, большевики."

Леса стояли безмолвны, пожухли, в ночи. – Но если-б было такое большое ухо, которое слышало бы на десятки верст, – в лесном шорохе и шелесте в ночи, оно услышало бы многие трески падающих деревьев, спиленных воровски, дзеньканье пил, разговоры в лощинах, на горах, в пещерах и шалашах самогонщиков и дезертиров, шаги и окрики, и пальба в небо полесчиков и лесников, посвисты и пересвисты, и совиный крик, и людской крик, и стоны битых, и топоты копыт. Ночами далеко видны лесные костры, и если эти костры люди зажгли в лощине, – далеко по росе стелется дым, – страшны ночные костры, и страшные были рассказываются около ночных российских костров. Волки далеко обходят костры. – Дни в лесах – в июле – всегда просторны, и пахнут леса татарским нектеном. – Лесные люди – лесничие, полесчики, объезчики, лесники – убежденнейше убеждены, что весь человеческий мир разделен на них, лесничих, полесчиков и лесников и на "граждан самовольных порубщиков."

Был бодрый солнечный день, когда лесничий Антон Некульев, бодрый и веселый человек, разыскал в Вязовах полесчика Кузьму Цыпина, рассказал ему, что он новый лесничий, что он коммунист, что на пароходке была теснотища чертова, что ему надо в сельский совет, что ночью ему надо в Медынь, что Ленин, чорт подери, – башка! Он не говорил о том, что за ним едет еще шестнадцатеро мастеровых, чтобы не дать разграбить леса, ибо эти леса играли решающую роль в пароходном движении по Волге, – что дан ему и его шестнадцатерым мандат расправляться вплоть до расстрелов. – В сельском совете, в тишине и покойствии, сидели председатель и секретарь, пили самогон и закусывали соминой, – председатель велел секретарю подать третий стакан Некульеву. – Цыпин слушал и смотрел все обстоятельно; утром еще, как

только приехал Некульев, по кордонам послал в Медынь эстафету, чтобы выехал Кузя за новым лесничим, – слова "эстафета" и "кордон" застряли в лесном лексиконе от княжеских времен. Цыпин слушал Некульева обстоятельно, но, будучи страстным охотником, в ответ рассказывал о тетеревах, о лисицах, о двустволках, – рассказал, впрочем, как убили мужики предшественника лесничего: убили в доме, выпороли ему кишки, кишками связали по рукам и по ногам, – все стремились всунуть в рояль, но не всунули, и вместе с роялем сбросили с обрыва к Волге, – рояль и до сих пор висит на обрыве, застрял в тальнике; – а охота в тех местах царская, – ежели, например, покорыститься травить лису в январе, когда она голодает, можно в зиму набрать шкур штук сто, – только, конечно, не дело это для ружейного охотника, – наоборот, позор. – Кузя приехал на шарабане, где передние колеса были заменены тележными, а задние остались на резине. Кузя выстроился во фронт, руки по швам, зарпортовал – честь имею явиться... – Некульев подал ему руку, хлопнул по плечу. Кузя сказал:

– Честь имею доложить, так что, лучше нам заночевать здесь, а то глянь – пришибут еще ночью, которые порубщики. Честь имею, так что народ стал прямо сволочь, одно безобразие.

Цыпин оказался иного мнения о положении вещей. Рассуждал:

– Это чтобы товарища Антона Ивановича Некульева тронуть? – Да он сам коммунист, большевик. Теперь леса наши. Это – чтобы тронуть? – Да я вас до Ивова ключа провожу, по степу поедем, в объезд. У Антона Ивановича наган, у тебя – винтовка, у меня – винтовка, сыну велю итти вперед, двухстволку дам. Да мы их всех перестреляем! Это чтобы большевиков трогать, – на то он и приехал, что леса наши. Теперь бери сколько хошь, без воровства, по закону.

Степи в июле удушливы, томит стрекот кузнечиков и пахнет полынью. Все время мигали зарницы. Спустились с горы, проехали овраг, проехали мимо ветрянок, и кругом полегла степь, испоконная как века. Поехали в объезд. Цыпин скоро заснул, Кузя мурлыкал себе под нос. Было очень темно и тихо, только трещали кузнечики. Снова спустились в балку и слышно стало, как пищат, посвистывают неподалеку сурки, – Кузя слез с шарабана, повел лошадь под уздцы, сказал, что сурки своими норами всю дорогу изрыли, чего доброго лошадь ногу сломает. Выехали на гору и увидели, как далеко в степи, на горах, над Волгой в безмолвии разорвалось небо молнией, – грома не докатилось. – "Гроза будет," – сонно сказал Цыпин. – И опять распахнулось небо, также безмолвно, только теперь слева, над степями подлинными. Лошадь побежала рысью, сухой чернозем разносил топот копыт и тарыхтение колес гулко, – показалось, что кузнечики стихли, – и огромная половина неба, от востока до запада порвалась беззвучно, открыла свои бесконечности, рядом с дорогой склонили подсолнечники тяжелые свои головы, – и тогда по степи прокатились далекие огромные дроги грома, стало очень душно. Молнии вспыхивали уже бесчисленно, все небо рвалось молниями в лоскутья и все небо стало кегельбаном, чтобы веселым стихиям катать кегли грома. Цыпин проснулся, сказал: "Надо-ть, Кузя, к пастухам ехать, в землянке дождь пересидим, мокнуть никак не охота."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.